

Л. Г. БАРАГ, М. С. МЕЕРОВИЧ

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ-ЛЕГЕНДЫ О ЗАСЛОНОВЕ И КОВПАКЕ

Имя Героя Советского Союза Заслонова — командира партизанской бригады, действовавшей в тылу немецко-фашистских захватчиков в Витебской области, пользуется в Белоруссии и за ее пределами широкой популярностью. Чудесные подвиги Заслонова подсказывали легендарно-сказочную трактовку его образа в фольклоре. «Дела большие, — сообщал в 1942 г. Заслонов в одном из своих писем другу, — бомбим, бомбим и бомбим; каждый день что-нибудь новое; временами рубаем — спасения нет немцам... Мои люди — партизаны настолько насолили немцам, что те делали облавы и вызвали меня на бой против трех дивизий»¹. 15 000 убитых немцев, 200 выведенных из строя паровозов, более 60 поездов, пущенных под откос, 120 000 пудов хлеба, отнятых у немецких захватчиков, — таков неполный итог славы боевой деятельности заслоновцев, воспеваемой в песнях и прославляемой в сказках-легендах. Замечательной теплотой чувства, задушевностью отличаются воспоминания партизан, местных крестьян и рабочих об их «дяде Косте». Вечную память о бесстрашном партизанском комбриге и талантливом организаторе масс хранит народ. Выражением этого являются сказки-легенды о Заслонове, бытующие в Витебской области и соседних с ней районах. Люди самых различных возрастов являются творцами и носителями этих фольклорных произведений. Нередко сказка-легенда о Заслонове, сложившаяся в крестьянской среде, подвергалась изменениям и получала своеобразное творческое развитие в среде партизан-заслоновцев.

Легендарной славой покрыто имя дважды Героя Советского Союза Ковпака. Стремительным рейдом прошли партизанские соединения Ковпака весной 1943 г. по районам Белорусского Полесья. Здесь после побед над немецкими войсками Ковпак вел подготовку к новому рейду на Карпаты. В 1944 г. ковпаковцы снова побывали в Белоруссии в районах Пинской и Брестской областей: громя немецкие тылы, они продвигались на запад. И повсюду, где проходили «ковпаки», получали распространение сказки-легенды о Ковпаке и его партизанах. Эти сказки-легенды подвергались художественной шлифовке по мере расширения территории их распространения. Им в большей степени, чем сказкам-легендам о Заслонове, свойственна определенность эпической формы. Крупные масштабы партизанской деятельности Ковпака сравнительно с деятельностью Заслонова, стратегия партизанской войны получили отражение в бесчисленных сказках-легендах о том, как «Ковпак в разведку ходил». В фольклорном образе мудрого и неуловимого старого Ковпака больше эпической стройности и меньше фантастического, чем в фольклорном образе Заслонова. Вместе с тем, сюжеты и мотивы сказок-легенд о Ковпаке менее тесно связаны с

¹ «Звезда», Минск, 14 ноября 1947 г., стр. 3: «Да 5-й гадавіны а дня смерцы К. С. Заслонава».

подлинной биографией героя, чем сюжеты и мотивы сказок-легенд о Заслонове.

Легендарно-сказочная трактовка образов Заслонова и Ковпака в современном фольклоре является выражением исключительной любви народа к этим простым советским людям, подвиги которых были живой легендой.

Произведения белорусского фольклора о Заслонове и Ковпаке являются ярким выражением народности партизанского движения и народных представлений о герое; ряд мотивов сказок и рассказов о них восходит к уже известным фольклорным произведениям и тесно связан с русскими и украинскими сказками-легендами. Такова, например, белорусская сказка «Як Чапай з Заслонавым сябраваў», записанная М. Меерович от семидесятилетней сказочницы Анастасии Степановны Коржень в городе Орша.

Чапай ён не утануў.. Зайшоў к аднаму дзядку і крычыць: «Хто здэсь хадзяін?» Выходзіць сівенькі дзядок і гаворыць: «А хто ты такой?» — «Я, гаворыць, Чапаеў». Тады дзядок і кажа: «Вот табе меч і конь, конь тебе знясе на гару, будзеш там на гарэ жыць, а калі будзіць рускім вайна, тады сайдзеш». Чапай еў на каня і паехаў. Аж за нім пагоня — белякі. Крычаць белякі: «Хто хадзяін?» — «Што вам патрэбна?» — «Ты бачыў ехаў тут Чапай?» Дзядок адказвае: «Не бачыў». — «Брэшыш, ты яму даў каня, ён і паехаў». Павесілі дзядка на бярозу, а Чапай на гары за воблакамі жывець. Настаў цяжкі час вайны, і я усё маліла бога: «Госпадзі, пашлі Чапая нашаму войску». І з'ехаў тады з гары Чапай і прыехаў у Беларусь. Вось стрэў ён чалавека — такога-жэ як ён сам — Заслонава — партызана. Чапай яму і кажа: «бей урага, гані яго, будзе слава народу і цябе». І перадаў яму Чапай веды, як з немцамі ваяваць. І прызваў Заслонаў рабочых з чыгункі і стаў дзейнічаць як Чапаеў.

Далее, в сказке А. С. Коржень повествуется о подвигах Заслонова и о героическом сражении заслоновского отряда с фашистами 14 ноября 1942 г. в деревне Куповать Сеннинского района Витебской области, во время которого смертью храбрых пал Заслонов. Фантастическая сказка, таким образом, как бы переходит в реалистический сказ. Вступительный эпизод этой сказки замечательно совпадает с русской сказкой о Чапаеве, опубликованной в сборниках «Творчество народов СССР», «Красноармейский фольклор» и неоднократно передававшейся по радио. Интересно отметить, что в ряде записанных нами современных белорусских сказок встречаются аналогичные совпадения со сказкой о Чапаеве.

Сказки о чудесном воскрешении в дни Великой отечественной войны героев прошлого записаны во многих местностях Белоруссии, Украины и РСФСР. Летом 1947 г. в местечке Наровля Полесской области Л. Барагом была записана от бывшей партизанки Александры Карповны Демчик — участницы рейда Ковпака в Белоруссию, на Карпаты и в Польшу, — такая легендарная сказка украинского (гуцульского) происхождения.

Раней гуцулы были вольным народом, імі правіў добры гуцульскі князь. У гэтага князя быў нядобры сын, які ажаніўся з польскай крулеўнай. Пасля яго смерці жонка яго завяла сваі польскія парадкі, знішчыла праваслаўную царкву і захацела зрабіць гуцульскі народ рабамі. Гуцулы на чале з храбрым казаком Арцёмам пайшлі ў горы. Там хоць і бедна жылі, але вольна. Шмат часу прайшло. Арцём стары памер, а гуцулы ўсе былі вольнымі і калі ворагі шлі на гуцулаў, падымаўся в магілы стары Арцём і веў гуцулаў на барацьбу. Вось, калі немцы пайшлі вайной, падняўся яго ўнук Каўпак, які кожны раінак зывае ўсіх гуцулаў на пастушкэй трыбе. І кожны дзень ідуць, ідуць да Каўпака вольныя гуцулы. Вось войска Каўпака вызваліла вялікую частку зямлі гуцулаў, але немцы заселі у Зеляніцы і хочуць перарэзаць Каўпаку дарогу у Карпаты. Але не зрабіць ім гэтага... Гэту казку я чула ад старой гуцулкі у жніўні 1943-га году.

В сборнике Ф. Тумилевича «Фольклор казаков-некрасовцев» (Ростов, 1947) опубликована сходная народная легенда о том, как славный казачий атаман Игнат Некрасов, умерший более двухсот лет назад, в годы Великой отечественной войны поднялся из могилы, сел

на боевого коня и стал помогать казакам-воинам Советской Армии бить немецко-фашистских захватчиков. Известны также русские сказы о том, как Чапаев поднялся со дна Волги, сел на богатырского коня и прискакал на помощь героическим защитникам Сталинграда². Легенда о неумирающем герое, появляющемся, чтобы помочь человеку в беде, — одна из распространенных и в старом фольклоре. Но отождествить известные в дореволюционном фольклоре записи этого сюжета с современными невозможно. Сходство легенды о Чапаеве и других, подобных ей, с традиционными произведениями этой же сюжетной группы только формальное. Современность дает новый, коренным образом отличающийся философский смысл легенде о неумирающем герое. Очень важно в произведениях нашего времени подчеркивание новых целей борьбы современного героя, не имеющих общего со старыми. Неумирающий герой борется за свободу своего народа и независимость социалистической Родины. Патриотическая народная идея, выраженная в художественном образе, в сущности ломает и преодолевает традицию, создает новое произведение.

Особенно яркий и своеобразный пример переосмысления старинной легенды о воскресающем воине — полководце в духе современности представляет следующая сказка-легенда, записанная М. Меерович от Филиппа Ивановича Матюшевского (1908 г. рождения) в дер. Утрилово Сеннинского района Витебской области.

Сказываюць, што Заслонаў загінуў у Купавачі, але гэта няпраўда. Ён жыў, яго ранілі і ён скрыўся у Купаватскім лясу. Шоў ён там доўга, сем дзён і выйшаў у веску Леўкова. Зайшоў ён цёмнай ноччу у крайнюю хатку, стучыць і пытаецца: «Хто тут, ці ёсць жывой?» Выходзіць дзядок сівы і кажа: «Ты хто будзеш?» — «Я, адказвае Заслонаў, — Заслонаў». Дзядок яму гаворыць: «Будзеш ты пераможцам». І даў дзядок Засланаву старадаўні меч і кая і кажа: «Езжай на захад і гані ўрага з нашай зямлі». Заслонаў адразу сеў на кая, ды як закрычыць: «Рубанём урагоў, рэбятя». І сам памчаўся з мечом у руке. І дзе ён толькі з таго часу ні паявляўся — бягуць ворагі. Рубіць Заслонаў мечом, страляе з рэвалвера. І біўся ён доўга, зараз з савецкімі войскам. А калі ачысцілася наша зямля ад фашыскай погані і стала зноў вольна жыць народу, стаў Заслонаў разам з другімі героямі, якія лічацца загінуўшымі, у купавіцкім баю, жыць на высокай лысай гары — гары нясмерцельных герояў. І цяпер жыве.

Кроме варианта Матюшевского, известны и другие варианты легендарного сюжета о подвигах Заслонова после сражения в Куповати. Сюжет этот сложился в партизанской среде в 1944 г. под непосредственным впечатлением побед Советской Армии, освободившей нашу страну. Выражение «Рубанём урага, рэбятя», которое приписывается в этой сказке Засланову, было излюбленным выражением Заслонова и весьма часто встречается в сказках-воспоминаниях о нем партизан и, в частности, в сказках, записанных от бывшего партизана 2-й Заслоновской бригады Ф. И. Матюшевского наряду с приведенной выше легендарной сказкой. Например, в одном из сказов-воспоминаний о Заслонове, записанном от бывшего партизана И. Р. Пахомовича в дер. Карповщина Сеннинского района, так рассказывается о бое заслоновского отряда: «Бывала ён (Заслонаў) заўсёды уперадзі, як закрычыць: «Рубанём, рэбятя, дадзім ім дымку рускага панюхаць! — тады пойдзем і у агонь і у вадзю за ім». Легендарная сказка Матюшевского является выражением того же благоговения перед светлой памятью Заслонова, что и воспоминания-сказы многочисленных сподвижников-друзей Заслонова, и вместе с тем выражает веру в бессмертие подвигов партизана-героя, но отнюдь не является прямым утверждением сверхъестественного, часто имевшего место в дореволюционном фольклоре. Фантастические мотивы этой сказки далеки от веры в чудесное «потустороннее»; они связаны с реальными

² См. Г. Попова, Русская народная песня, Музгиз, М.—Л., 1946, стр. 16.

воспоминаниями заслоновцев о боях после смерти их славного комбрига.

Было гэта перад першым маем, — рассказывает бывший партизан отряда „Молодой Большевик“ 2-й Заслоновской бригады Ф. В. Калужин. — Немцы акружлі Куповатскі лес. Здаецца, уж ніколі нам не выбрацца адтуль. Усе мы, пулямётчыкі, пайшлі на магілу дзядзі Косці і тут, стаўшы на калені, мы далі клятву: «Клянемся цябе, дзядзя Косця, адстаць нашу зямлю да апошняга нашага ўздоха» — казалі мы. Усталі мы, і адкуль толькі сіла у нас узлася, как рубанулі, і вышлі усе з акружэння.

Многие реалистические рассказы партизан-заслоновцев о победах их отрядов после смерти Заслонова имеют концовки типа: «Партизаны казалі — сам дзядзя Косця дапамагаў нам».

Таким образом, легендарная сказка о бессмертии Заслонова, формально перекликаясь с древними легендами о чудесной помощи на поле сражения и о «стеклянной горе», проникнута духом современности — духом активного романтизма, она имеет новое качество — она нова и по идее и по образам. Социальное звучание этой сказки близко напоминает боевую песню заслоновских бригад, которую сложили партизаны после боя в Куповати:

Дядя Кости сердце жаркое
Схоронила Куповать.
Имя воина отважного
Будет в бой нас призывать.

Сказки-легенды о бессмертии Чапаева, Заслонова и других славных героев нашей эпохи являются выражением народной мудрости: не может умереть герой, душа и сердце которого — душа и сердце народа.

Если в приведенных выше сказках-легендах традиционный сюжет о «сівеньком дзядке», выручающем героя из беды и дарящем ему богатырский меч и богатырского коня, связан с темой бессмертия народного героя, то в целом ряде фольклорных произведений о Заслонове этот сюжет сплетается с достоверным биографическим рассказом о том, как Заслонов ушел от немцев в лес и стал партизаном. Например:

Было гэта у Куповаці. Прышоў дзядзя Косця у адну хаціну. Выйшаў дзядок і пытае: „Хто ты будзеш?“ Заслонаў яму адказвае: — „Я за народ стаю, хачу ўрага прагнаць з зямлі рускай“. Дзядок яго перахрысціў, даў каня: „Едзь, кажа, у лес, выраеш зямляначку і там жыві, пакуль збяруцца да цябе другія, а там пойдзеш ваяваць“. Пайшоў Заслонаў, а немцы за ім гналіся — не дагналі, потым пайшлі к дзядку: „Хто гэта паехаў, ці начальнік які, ці хто?“ А ён: „Не ведаю, не ведаю“. Яго узлілі, беднага, і павесілі“. А Засланаў і зямляначкі жыві, усе збіраў такіх такіх таварышоў як ён сам. Сабраў ён чалавек сорок. Ён з імі багата цягнукоў, спустіў багата немцаў загубіў. Калі веў партызан у бой, крычаў: „Рубанём, выжанім ўрага, рэбята...!“ Аднаго разу прышлі да нас у Купаваць немцы, іх было шмат, — як хмара чорная, а Заслонаў тут быў адзін. Ён доўга рубіўся з імі, але яго, беднага, забілі. Людзям жалка была, бо добры чалавек быў — прастой.

Записано от Юлии Мартыновны Гвоздевой 75 лет в деревне Куповать Сеннинского района Витебской области.

Легендарное здесь также подчинено идейной направленности произведения — утверждению высокого призвания советского партизана, народного мстителя, и имеет глубокую внутреннюю связь с реально биографической стороной повествования о подвигах и смерти Заслонова. В этом-то и заключается новизна и оригинальность трактовки традиционного легендарного сюжета современной белорусской сказочницей Ю. М. Гвоздевой.

Близка в сюжетном отношении со сказкой Ю. М. Гвоздевой о Заслонове старинная сказка о двух братьях-осилках, записанная Л. Барагом от Никиты Петровича Северина 1872 г. рождения в дер. Большая Вулька, Хойновского сельсовета, Жабчицкого района, Пинской

области. В этой сказке братья-осилки покидают своих односельчан и уходят в далекий дремучий лес. Они поселяются там у старого осилка-волшебника, который дарит им богатырское оружие и посылает их на богатырские подвиги.

В некоторых сказках-легендах о бессмертии Заслонова ярко выражены мотивы героического эпоса. Так, например, сказка-легенда «Як конь Заслонова Парыў ад смерці яго выратаваў» как бы перекликается с древними южнославянскими героическими песнями с Марке Кралевице и его чудесном коне Шарце.

Гэта была каля Купаваці. Шоў бой. Немцы палыходзілі ужо блізка, а у парцізан патронаў не хапала. Заслонаў думае: „Як жа выбрацца? Сам я магу на Парыве усюды прайці, а шкода рэбят астаўляць“. І надумаўся прарваць немцам бок на Парыве, штоб парцізан з акружэння вывесці. А тады сонца заходзіла і як раз немцам у вочы, — ім кепска глядзець. І сказаў Заслонаў Парыву свайму: „Я палажу, а ты давай адзін паглядзі, сколькі у іх радоу цэпей“. Завязаў яму туга паводы. Парыў топнуў нагой, кажыць: „Добра“ і панесся. Немцы стралялі па яму, так і пазналі што гэта абучаны Заслонава конь: у сядле, подковы блішчаць. А пулі яму ніяком. Пранесся і убачыў, што толькі две цэпы немцаў. Подскачыў к Заслонаву і кажыць, што две цэпы“. Засланаў сеў на коня і паехаў, а парцізаны за ім. Немцы страляюць па Заслонаву, пулі яму ніяком. А калі снаряды рваліся, Парыў скачкі даваў па дзесяць метраў і пранёс Заслонава і парцізан правёў. Тады Заслонаў паехаў к дзядку, якой яму Парыва дараваў, а партызанам сказаў: „Тут пабудзіце“. А дзён праз шэсць Красныя прышлі, з'едніліся з парцізанамі. Дзядок спытаў Заслонава: „Ты у акружэнні быў?“ — „Да, быў да Парыў выратаваў“. — Парцізан правёў, парцізаны пайшлі у польскія лясы, а я заехаў до вас, дзедушка, як па знаемству“. Дзядок кажэ Заслонову: „Ну, ідзі у хату я тебе пачастаю“. Бабка сала яму зжарыла, выпілі. Дзядок кажэ Заслонаву: „Ты змарыўся, пайдзі адпачый“. Парыва у стаіну завеў, адкасіў яму травы. А Заслонаў лёг адпачываць трошкі. А потым застаўся Заслонаў у дзедушкі жыць у лясу. Дзедушка на паляванне ходзіць, і живуць яны цяпер там пасля вайны.

Записано А. Никитенко от Вани М. Визнер 13 лет в вёске Мажулёво Раснинского района Витебской области.

Реальные мотивы воспоминаний об «ученом» коне Заслонова Парыве и о сражениях заслоновцев сливаются здесь с творческой фантазией, выражающей георический пафос и восхищение подвигами любимого народного героя. Подобные фольклорные произведения могут получить дальнейшее творческое развитие как в сказочном, так и в песенном народном эпосе.

Легендарные сказки о Ковпаке, записанные в Наровлянском районе Полесской области, через который рейдировал в 1943 г. ковпаковский отряд, на первый взгляд восходят к традиционным для славянского фольклора легендарно-сказочным сюжетам о мнимом страннике и о награде за гостеприимство принявшего его бедняка. В сущности же сходство кажущееся. Эта группа легенд о Ковпаке, имея своеобразную форму приключенческих произведений, характеризуется новым социальным содержанием, не позволяющим их уподоблять произведениям традиционного фольклора. Например:

Адзін раз прыходзіць стары дзед у хату з торбачкай, як сапраўдны старац. Пап-дасіў ён хлеба і дробачак солі. Хлеба людзі далі, а солі не было, „Кепскі справы, калі камандуюць нямецкія правіцелі“, — сказаў сівенькі. „Калі-б ім ні дна, ні пакрышкі, — адказала гаспадыня, — але солі як не было, так і нема“. „Пачакайце крышку, — сказаў стары, — хутка вы атрымаеце соль“. І пашоў з хаты. А праз некалькі дзён спаткнуўся гаспадар гэтай хаты у цемры у снях аб якім-та мех. Занёс гаспадар мех у хату, аж у мехе соль. Соль прынеслі каўпакоўцы, а падарунак быў ад самага Каўпака.

Записано Т. Старосельской от А. К. Демичик в м. Наровле.

В другом варианте, записанном Л. Барагом от Марыси Язеповны Добуш в с. Вербовичи Наровлянского района, гостеприимный крестьянин, принявший на ночлег неизвестного старца-странника, спустя несколько дней наблюдает торжественный въезд в село освободителей-партизан во главе с Ковпаком в полной генеральской форме, верхом

на могучем белом коне, и с изумлением узнает в генерале своего гостя — мнимого странника.

Многие сказки о том, как Ковпак ходил в разведку, могут вызвать ассоциации с традиционными сказками-легендами. Но эти ассоциации обнаруживают, что легенды о Ковпаке являются преодолением традиционного сказочно-легендарного стиля. Яркость социального содержания таких сказок о Ковпаке тесно связана с их агитационной направленностью в конкретных обстоятельствах народной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Примером может послужить такой фольклорный текст:

У аднім мястэчкў невядомы дзядок прадаваў крэйду. Калі пад вечар усе разыйшлісь, чэты дзядок напісаў на сцяне дома: „Хто крэйду пакупаў, той Каўпака відаў... І знік невядома куды.

Записано Л. Барагом от Николая Марковича Омельченко в с. Вербовичи Наровлянского района.

Интересный вариант записан Л. Барагом от А. К. Демичик в м. Наровле:

Кажуць, што у вёску Храпкоў, Хойніцкага района прыехаў у апошніх чыслах лютага 1943 году дзед стары, прадавець дзёгаць. Дзёгаць гэтага старога быў вельмі таньней. К дзеду шлі купляць і багатыя і бедныя. Калі кола саней сабралось шмат людзей, гэты старый дзед выняў пачку лістовак з запазухі, раздаў людзям і кажаць: „Слухайце добры людзё, і чытайце, што вам кажа стары Каўпак. Сёння я у вас адзін; а праз тыдзень буду з сваім войскам і выжанім чортава немца“. Гэта быў сам Каўпак, які прыходзіў у разведку.

Аналогичные сказки о том, как Ковпак ходил в разведку, записаны Н. Д. Комовской в Сумской, Киевской, Львовской и других областях Украины.

Стремительность победоносного рейда Ковпака и широкая массовая работа, развернутая им среди крестьянства, отразились в народном сказочном образе Ковпака. Народные представления о старческой мудрости, проницательности, подвижности и добродушном лукавстве Ковпака при обрисовке его в фольклоре позволили переосмыслить и частично использовать традиционный сказочно-легендарный образ мнимого нищего странника, друга бедняков, испытывающего честность и справедливость людей.

Сюжеты о продаже на базаре горшков, ведер, дегтя тайным партизанским разведчиком-предводителем партизан, а также сюжеты о переодевании предводителя партизан в нищего отмечены и в фольклорном материале о Заслонове. Но такие произведения о Заслонове не получили столь устойчивой формы, как сказки-легенды о Ковпаке, и отличаются близостью к мемуарным сказам-побывальщинам: отчасти они связаны с традицией восточнославянских сказаний о том, как ходил в разведку к французам казак Платов.

На основе таких произведений о Заслонове можно проследить, как из реальной, фактографической основы рождается художественный сказочный сюжет, как конкретный образ Константина Заслонова переходит в художественный тип находчивого и стремительно действующего партизана-смельчака. Так, например, на основе достоверных фактов о способности Заслонова маскироваться были созданы такие полulegenдарные рассказы.

Ён мог маскіравацца усякім спосабам — то ён рабіўся старым дзедам, то пераадзенеца жабраком. Пойдзе даведаецца дзе ўражыскі гарнізон, потым чуешь — разбілі немцаў. Гэта ўжо сам Заслонаў там быў. Адзін раз ён быў у нашай вёсцы, акружылі яе тады немцы, а ён адзеўся дзядком, зрабіўся хворым, — дзёгцем абмазаўся — немцы зайшлі у хату, яго не чапаюць.

Записано М. Меерович от П. Г. Бурчук, 1911 г. рождения, в дер. Бурбино, Белицкого сельсовета Сеннинского района.

Или:

Калі ён (Заслонаў) уцёк з Оршы, дык пасля хадзіў па Сенно, Талачыну і вёдры прадаваў, — яно, паложым каштуець паўтара пуда жыта, а ён прасіў два пуда, каб не бралі, — гэта ён месца аглядваў і выбіраў тады Купавацкі лес.

Записано М. Меерович от И. Жабицкого в с. Смоляны Кохановского района Витебской области.

Этот же сюжет получает в других вариантах иную местную приуроченность. Например:

Немцы тады стаялі каля Серкуцей, а Заслонаў едзе каля нашай вескі, вёдры прадаець, гаршкі, а дакупіцца ня можна, — дорага просіць. Гэта ён места для сваіх рэбят выглядаў, а немцы думаюць гаршэчнік.

Записано М. Меерович от Ильи Степановича Гвоздева 80 лет в дер. Куповат Сеннинского района.

Или:

Аднаго разу двое прыехалі прадаваць гаршкі — прышлося ім заначаваць у майго брата. Былі яны у лапцёх, адзеты у армякі — прамо мужыкі. Калі сталі у нас парцызаны, гляджу я — тыя-ж самыя гаршэчнікі паявіліся. Адзін іх пасмяяўся да кажа: „Ці помніце тых гаршэчнікаў, што у вас начавалі?“ Гляджу я — гэта Заслонаў.

Записано от Ф. И. Гвоздева в д. Утрилово Сеннинского района.

На основе конкретных фактов переодевания советских партизан в немецкую форму или в женские платья с целью разведки и внезапного нападения на противника слагались бесчисленные и легендарные и полULEгендарные рассказы, сказки. Заслонов в народном представлении был непревзойденным мастером такого камуфляжа, и естественно, фольклорный образ Заслонова стал центром притяжения различных рассказов о ловком переодевании партизан. Популярность имени Заслонова — героя таких произведений обуславливала особенный интерес к ним народной аудитории. Прочную связь с образом народного героя Заслонова получили в белорусском фольклоре Великой отечественной войны такие сюжеты, как «немцы приезжают на крестьянскую свадьбу, разогранную заслоновцами», и наталкиваются на самого Заслонова, переодетого в молодуху»; «Заслонов, переодетый в форму немецкого генерала, «инспектирует» немецкие укрепления», «Заслонов, переодетый в форму немецкого офицера, посещает немецкий ресторан и оставляет там записку»; «Заслонов, переодетый в немецкую форму, приходит в переполненное немцами кино и во время сеанса устраивает там взрыв»; «Заслонов, переодетый в форму немецкого офицера, приезжает на немецкий продовольственный склад во главе отряда переодетых партизан и беспрепятственно получает несколько грузовиков продовольствия», и многие другие.

И сам Заслонов и его партизаны, а также партизаны других отрядов, действовавших против немецких захватчиков, были неоднократно участниками подобных действий. Поэтому типизация фольклорных сюжетов о ловком переодевании партизан выразилась в соединении их с именем популярнейшего в народной белорусской среде отважного партизана-конспиратора Константина Заслонова. Странствующие фольклорные мотивы становились при этом выражением дум и представлений белорусского народа о любимом герое-партизане. Типизация образа неразрывно связана с типизацией сюжета.

Популярная в Витебской области сказка о том, как Заслонов гадал немецкому шефу Штумфе на рыжем петухе и как рабочие подожгли лесозавод Штумфе, основывается на некоторых фактах: 1) Штумфе — реальное лицо; Заслонов, находясь осенью и зимой 1941 г. на конспиративной работе в Орше, вошел в доверие к этому немецкому начальнику и нередко просиживал с ним вечерами за шахматами; 2) уже после своего ухода из Орши и организации им партизанского отряда

Заслонов организовал поджог немецкой фермы в дер. Грязино в 25 км от Орши, предварительно раздав хранившийся на ферме хлеб крестьянам (март 1942 г.). Сюжетная схема этой анекдотической сказки традиционна и известна по целому ряду русских вариантов, записанных в разное время. В. Ю. Крупянская в статье «Фольклор Великой отечественной войны»³ отмечает партизанские сказки о гадаании на петухах, записанные ею в 1945 г. в Клетнянском районе Брянской области и вовсе не связанные с именем Заслонова. Однако сказки о гадаании Заслонова на красном (рыжем) петухе является не менее ярким выражением народной оценки личности Заслонова, чем биографические сказки-воспоминания о нем. Приведем один из вариантов сказки о гадаании Заслонова.

Заслонаў з шэфам Штумбе ігралі у шахматы. Задумаў Штумбе пагадаць, а Заслонаў указаў: «Я вам пагадаю, прынясіце рыжага петуха». Шэф заставіў прынясіці рыжага петуха, штоб гэта ні каштавала. Прынясілі яму петуха. Заслонаў насыпаў дзвенатцаць кучак зярна: „Калі гэты петух з’ест дзвенатцаць кучак, вы атрымаеце рада-сную вестку, а калі не, то ўобычце вялікага рыжага петуха». Петух не мог скле-ваць усё зерно, і Штумбе стаў чкаць вялікага рыжага петуха. А Заслонаў дамовіўся з рабочымі запаліць лесазавад Штумбе. І на трэці дзень запалілі. Тады Засло-наў сказаў Штумбе: „Вось вы і убачылі вялікага рыжага петуха“.

Записано А. Никитенко от Ивана Потаповича Вербицкого, 1923 г. рождения, в дер. Немойта Сеннинского района Витебской области⁴.

Некоторые эпизоды реальной биографии К. С. Заслонова особенно часто отражаются в фольклорных рассказах и получают сказочно-легендарную трактовку. К таким эпизодам относится, например, переодевание Заслонова в бане в чужую одежду перед тайным уходом из Орши 25 февраля 1942 г. Заслонов, опасаясь слежки со стороны немцев, поменялся в бане одеждой со своим товарищем по работе в депо — Чебриковым, сбрил усы и в одежде Чебрикова направился в глухой лесной район за 25—30 км от Орши; вместе с Заслоновым ушли в лес четыре его товарища — рабочих депо. Таковы биографические факты. Характерный пример легендарного переосмысления этих фактов, пример перехода сказа-были в сказку-легенду представляет следующий фольклорный текст:

Ён калі жыў у Воршы, самалетам пуць паказваў, а за ім усе немец сачыў, усё ходзіць за ім. Аднаго разу Заслонаў і кажа: „Я пайду у баню“. І немец той за ім пайшоў, свайго коня у бані паставіў і ахрану сорок чалавек. Заслонаў у бані дзядком сівенькім перарабіўся, — бараду прылепіў. Выйшаў стары з бані, а немец спазнаў Заслонава на вачох — вочы яго дужо высёлыя былі. Толькі той немец к яму падбгае, а ён яго застрэліў і тых сорок чалавек усіх пазастрэляваў, а сам паехаў тады па вёсках гаршкі прадаваць, быццам ён гаршэчнік, а гэта ён месца сабе выглядаў для парцізанаў. Падабраў себе таварышоў, зайшоў у лес і пачаў дзейнічаць. Багата немцаў пабіў, багата цягнікоў спусціў. — немцы яго, як агню, баялісь.

Записано М. Меерович от Юлии Мартыновны Гвоздевой в дер. Куповат Сеннинского района Витебской области.

Сказочно-легендарные элементы получают в устных рассказах о тайном уходе Заслонова из Орши в лес самое различное развитие. На грани реальной биографии и художественного вымысла находятся многие устные рассказы о том, как Заслонов якобы перехитрил немецкого шпика, поджидавшего его у дверей бани, или, как немецкий комендант якобы искал Заслонова в бане среди голых мужчин и т. п.

Известно, что однажды в бытность свою «начальником ремонтных бригад» немецкого железнодорожного депо в Орше Заслонов, просигнализовав советским самолетам, спустился в бомбоубежище и как ни в чем не бывало стал играть с немецким офицером в шахматы. На

³ Известия АН СССР, Серия истории и философии, 1947, № 1, стр. 91.

⁴ Этот анекдотический сюжет был использован Всеволодом Ивановым в пьесе о Заслонове «Дядя Костя» (М., 1945), в картине третьей.

основе этого достоверного факта сложился фольклорный сюжет о том, как Заслонов, играя с немецким офицером в шахматы, в то же время подавал сигналы советским самолетам: эти сигналы будто бы совпадали с ходами Заслонова на шахматной доске.

В таких фольклорных произведениях отражается психологический и социальный облик народного героя Константина Заслонова.

Сказы-воспоминания о Заслонове являются не только истоками эпических, но и лирических художественных произведений о нем.

Дзецям малым і тое ён ім у памяць удаўся, — рассказывает, например, семидесятилетняя Христина Михеевна Барановская (дер. Куповать, Сеннинского района), — каторы гадоў пасля смерці Заслонава прайшоў, а яны усё помняць яго, як сёння, і будучы помніць пакуль жыць будучы... Мы ж яго бераглі, як свой глаз, аж не убераглі. Як убілі яго, дык усе плакалі.

Народ наделяет любимого героя волшебной сказки богатырской силой, обаятельной внешностью и наряжает его в драгоценное платье. Именно в гиперболическом, сказочном плане трактуются образы Заслонова и заслоновцев, Ковпака и ковпаковцев в фольклорных рассказах, бытовавших в тех местностях, где эти народные герои были известны только по слухам об их славных подвигах. Приведем рассказы такого типа:

Нашы разведчыкі зайшлі у адзін лясны атрад. Вось там расказвалі, што Каўпак і каўпакоўцы гэта асобныя людзі, усе ваенныя, усе лейтэнанты і капітаны. А каўпакоўцы ўсе маладыя, храбрыя, усе снайперы, усе страляюць з аўтаматаў і у атаку ходзяць, нічога ані не баяцца. Пасля боя яны адзяваюць шоўкавыя плацця, туфлі мадэльныя, усе прыгожыя....

Записано Т. Старосельской от А. К. Демичик в м. Наровля Полесской области. Людзі казалі, што Заслонаў вялікі, здаровы генерал з усамі, — дзе паяўляецца, там немцы уцякаюць. Ходзіць заўсёды у ваеннай форме, носіць ромбу.

Записано М. Меерович от Елены Семеновны Артишук 54 лет на ст. Орша.

В обстановке временной немецко-фашистской оккупации в отдельных районах Белоруссии имелись особые предпосылки создания устных рассказов, заключающих в себе легендарную основу. Чаяння народных масс, пламенная вера народа в победу над ненавистным врагом выражались в легендаризации образов народных героев-партизан и известий об их боевой деятельности. Так, например, отголоском действительных событий — побед партизанских соединений Ковпака на украинской реке Тетерев в феврале 1943 г. явился рассказ, который во множестве различных легендарных вариантов распространялся из уст в уста в южных районах Полесской области, опережая победоносный рейд Ковпака на север:

Праз фронт прарваўся з вялікай арміяй палкаводзец Каўпак, які акружыў Кіеў, знішчыў вялікае нямецкае войска і два тыдня ўжо не падпускае да Кіева ні аднаго эшалона. Часці Каўпака пад Іванкавым разбілі сто тысяч немцаў. Немцы у паныцы уцякаюць і хутка ўся Украіна будзе вольнай, так што і з Беларусі Каўпак хутка пачне немцаў гнаць.

Записано Л. Барагом от А. К. Демичик в м. Наровле Полесской области.

Подобные устные рассказы отражают самую начальную стадию процесса фольклорного творчества. Но и сказки-легенды о героях Великой отечественной войны не отлились еще в законченные художественные формы. История внесет новые яркие штрихи в образы, творимые народом.

Фольклор о Заслонове и Ковпаке является свидетельством ошибочности распространенного мнения, будто бы фантастические жанры относятся к реликтовым, отмирающим жанрам фольклора.

Образы и мотивы легендарного фольклора в советской действительности, не связанные с религиозностью и суевериями, имеют возможности художественного развития, обусловленные романтической устремленностью народного искусства эпохи социализма — искусства социалистического реализма.